

СТРАСТНАЯ НЕДЕЛЯ В МАРИУПОЛЕ

От волонтера миссии «Милосердие»

Мне давно хотелось посмотреть своими глазами, как там, на Донбассе. Иметь своё, хоть небольшое представление о ситуации. А ещё было несколько дней от отпуска, отложенные на страстную неделю. Хотелось провести их иначе, чем обычно. Подготовиться внутренне и посетить Пасхальное богослужение, на котором я до сих пор не «сподобилась» побывать.

И надо же было такому случиться, чтобы два моих желания исполнились сразу!

В чате «Милосердие – Казань» прочла объявление о добровольческой поездке в Мариуполь, организованной по инициативе Казанской епархии. Я позвонила по указанному номеру. Узнала, что штаб помощи жителям организован больницей святителя Алексия (Москва) при поддержке Синодального отдела по церковной благотворительности. Разумеется, сначала у мужа разрешения спросила, потом у духовника попросила благословения. Прошла собеседование, заполнила анкету. Материальная сторона вопроса (дорога) решалась Казанской епархией. Единственным условием для добровольцев было – не трогать ни религию, ни политику в общении с горожанами. Просто делать свою работу с любовью и заботой.

Так что всё удачно сложилось. В дорогу мы отправились перед Вербным воскресеньем. До Москвы ехали поездом, потом 22 часа на автобусе и это было, пожалуй, самым трудным испытанием. Возвращаться домой было решено после Пасхи.

В поездке от «Милосердия – Казань» нас было трое. За «старшего» – Борис, молодой человек, работающий в сети кофеен. Сестра милосердия Елена, из Свято-Никольского сестричества, работает в онкодиспансере медсестрой. В Москве к нам присоединились ещё двое. У каждого из нас были свои причины поездки. И только одна объединяла всех: хотелось внести свою посильную лепту в нужное дело.

Первые признаки приближения к зоне СВО мы заметили, когда проехали Таганрог. Вдоль трассы ходили сапёры с миноискателями. Забегая вперёд, скажу: за восемь дней всего один раз слышала взрыв – это возле нашего палаточного городка ликвидировали неразорвавшийся снаряд...

Вместе с нами домой возвращались мариупольцы, которые покинули свой город во время боевых действий. Разумеется, больше всего их волновало, остались ли целыми их квартиры и дома... Когда мы подъезжали, с первого взгляда стало ясно, что город разрушен процентов на девяносто.

В Мариуполе нас встретили волонтеры, повезли в штаб (палаточный городок на улице Азовстальской). Больница святителя Алексия его устроила на территории

бывшего детского дома. Сирот в нём давно не было, после 2014 года там квартировался нацбат. В городке установлены большие надувные палатки: в одной расположился штаб организаторов, в другой склад гуманитарной помощи, в третьей вёл приём психолог, далее — душевые и прачечная. В отдельной палатке размещалась регистратура. В огромном автофургоне, оборудованном современной медицинской аппаратурой, ведут приём врачи. В наш приезд больных принимала доктор, тоже доброволец, по специальности гинеколог, но по сути — специалист общей практики, она даже проводила исследования УЗИ. В общем, могла консультировать по многим вопросам, кроме педиатрии и хирургии. В особо сложных, неотложных случаях больных возили в Москву, делали операции в Больнице святителя Алексия на Ленинском проспекте.

Нас, пятерых новичков, встретила координатор Елена — молодая, красивая женщина из Екатеринбурга. Сестра милосердия, носящая Плат (об этом я узнала уже вернувшись, домой). На её плечах лежали все вопросы организации людей, координации их действий, работа гуманитарного склада, взаимодействие с администрацией города, богадельня и многое другое.

Она спросила, кто из нас владеет компьютером и коммуникативными навыками. Так и определилось моё место, моё дело — вести первичный приём посетителей.

Остальные ребята сразу поехали по адресам. Выполнять ранее принятые заявки. По первому адресу их встретила очень пожилая семейная пара. Как рассказывала вечером Лена, муж с женой не смогли уйти из дома, чтобы от бомбжки где-то схорониться. Не было сил. Старик слепой, бабушка еле ходит. Они просто лежали. Спасибо соседям, приносили воду и еду и помогли выправить бумаги на получение гуманитарной помощи. Первое, о чем попросила бабушка наших добровольцев, — посидеть, поговорить. А дед попросил побрить его. Борису пришлось взять станок, взбить пену и исполнить роль Фигаро. На тот момент окна в доме были вставлены, материалы на крышу получены, добровольцы должны были покрыть крышу, помочь вскопать огород.

После первого трудового дня нас развезли по «домам». «Девочек» поселили в квартире девятиэтажного жилого дома. Хозяева задолго до СВО уехали в Германию, но любезно разрешили пожить добровольцам бесплатно. Соседка уговорила, мол, совесть-то имейте, вам и окна поставили и подремонтировали. Так что жили мы с удобствами. Правда спать пришлось на полу, но мы были предупреждены, и взяли с собой спальные мешки и постельное бельё.

Часть дома, находящегося на набережной, была полностью разрушена, останки снесли, а землю на месте уже выравнивали. Пара подъездов частично выгорела. Их расстреляли из БТР — только за то, что в одном из них жила женщина, участвовавшая

в работе избирательной комиссии и подведении итогов референдума. Ранним утром подъехали к подъезду, прокричали из рупора:

— Вот тебе! — и залпом ударили.

Наш подъезд уцелел практически полностью. Возле входной группы ещё осталась сложенная печурка, на которой жители готовили себе еду. Мусор не совсем разобран даже в подъезде...

Собаки... В их глазах безнадёга. Они уже ничего не ждут от людей, но благодарны за любой кусок съестного. Многие остались без хозяев.

Напротив нашего стоял выгоревший остов некогда красивого дома, наверное, сталинских времён. Одни лестничные пролёты остались. Напоминает кадры из фильмов о войне. Нас предупредили, что самостоятельно ходить по округе опасно, в городе до сих пор находят мины.

Вечером, собравшись на кухне за скромным ужином (страстная неделя, пост) мы делились первыми впечатлениями от увиденного и услышанного.

Рано утром мы отправились пешком на праздничную службу в церковь, на праздник Входа Господа нашего Иисуса Христа в Иерусалим, или Вербное воскресенье. Кстати, местные жители этот праздник называют по-своему — Верба, с ударением на «а». Но в храм несут не веточки вербы, а прибрежный ивняк, ведь на юге верба не растёт.

Мариуполь входил в десятку крупнейших городов на Украине, но ещё до СВО большая часть населения уехала, осталась примерно четверть, в основном, неимущие старики, которым некуда и не на чем было ехать. Поэтому народа на улице почти не было.

Вербное воскресенье выдалось мрачным, хмурым. Пока мы добирались, а это полчаса ходьбы, начался дождь, который ещё усилился, мы вымокли до нитки. Купольная часть храма была разрушена, поэтому литургия шла в тёмном подвальном помещении. В мокрой одежде простоять всю службу было не слишком комфортно. Но мы исповедались, причастились и получили благословение. А потом батюшка вызвался подвезти нас до дома. По дороге мы разговорились, он поведал, как ранним утром жителей их многоэтажки однажды стали выселять из квартир, чтобы оборудовать там огневые точки. Быстро, грубо, без разговоров...

По утрам кто-то из добровольцев развозил гуманитарку, кто-то отправлялся по адресам — оказывал помощь, делал уборку. Порой приходилось разбирать руины и завалы. Работа тяжёлая и грязная, так что захваченные нами из Казани перчатки пригодились.

Моя непосредственная работа заключалась в оформлении первичных заявок обратившихся за помощью. Вносила данные в базу компьютера, их рассматривали в штабе, координаторы решали, кому и чем мы можем помочь. Вот где можно лично убедиться,

что не просто так вся страна собирает гуманитарную помощь! Жители Мариуполя нуждаются буквально во всём, в самых необходимых вещах.

Мне «повезло», что в первые дни не работала телефонная связь, поэтому я только принимала посетителей, вносила данные в компьютер, записывала их на приём к врачу. Выдавала талоны в прачечную или в душевую. Вскоре связь наладили — и «горячая линия» заработала! Приходилось посетителей расспрашивать, отвечать на звонки, бегать к медсестре, узнавать результаты анализов...

В первый день я, что-то напортила. Только потом выстроился алгоритм действий и понимание своей задачи в цепочке действий штаба помощи пострадавшим. Как корректно задать вопрос человеку напротив, что отвечать на вопросы.

О чём чаще всего просили люди? На вопрос, что вам нужно, многие переспрашивали — а что есть? И потом давали более развёрнутый ответ: одеяла, подушки, постельное белье, посуда, одежда, обувь, лекарства...

Пенсионерка с сыном инвалидом. Полгода не могут получить пенсию, так как паспортов российских нет ещё. И вот тут дилемма: где поставить отметку, что помощь матери с сыном нужна немедленно!

За восемь дней пришлось повидать самых разных людей. Первое, что понимаешь в общении с мариупольцами, это самое простое: люди везде одинаковы, потому что везде они... разные. Единой картинкой не может быть. За благотворительной помощью обращались больше пожилые, молодёжи в «Марике» я не встречала, разве что молодых мамочек. Но даже среди стариков ситуация кардинально отличалась. Поэтому я начинала первым делом интересоваться, где живёте. У одних есть крыша над головой, а другие ютятся у знакомых или в подвале. Одним нужна срочная медицинская помощь, а другим просто хочется услышать доброе слово. Да, многие ходили к палаткам «Милосердия», словно на работу, каждый день. Проходили пешком несколько километров (трамваи в Мариуполе тогда ещё не ходили) для того только, чтобы просто спросить, готовы ли их анализы? Если нет, ради Бога, мы завтра опять придём!.. Чтобы полдня просидеть в очереди, поговорить со знакомыми и незнакомыми. В конце концов, многим просто нужно было пообщаться, обменяться новостями. Попить горячего чая с вкусняшками (этого добра всегда было достаточно в палатке для посетителей, как и средств санобработки). С удовольствием разбирали иконки с благословением Патриарха.

В очереди они могли сидеть по четыре-пять часов, тихо переговариваясь, но мы в их разговоры не вступали. Во-первых, нам было запрещено, во-вторых, не было времени. Я однажды не утерпела. Одна из посетительниц рассказывала, как из подвала, где скрывались жители, мать вышла за водой, с маленьким ребёнком. Наверное, решила, что мать и дитя пожалеют... Но её подстрелил снайпер. Малютка ходил вокруг упавшей матери. Его звали из подвала, чтобы бежал к ним. Но испуганный ребёнок растерялся. Прозвучала автоматная очередь...

Насторожённость некоторых посетителей понятна. Они столько натерпелись! Страх за то, что будет с ними завтра, прочно укоренился в них. У многих в семье случился раскол — брат на брата, дети на родителей.

Рассказывает женщина, вернувшаяся в Мариуполь из Германии. Её дети и внуки перебрались в Одессу. За два-три года радикально переменились их взгляды на украинский конфликт. Теперь они не хотят видеть свою бабушку и кричат «Слава Украине!».

Слышала я и про Мариупольский драмтеатр, который взорвали — и обвинили в том россияне. В очереди рассказывали: за день до трагедии в домах, что рядом с театром, отключили свет, газ, воду. К чему было?

А в день голосования на маршрут не вышел никакой транспорт. Люди шли пешком. «Никогда я не видел такого количества людей на улицах города», — рассказывал очевидец...

Время за работой пролетало быстро, всё делалось на одном дыхании. Когда возвращались домой, долго обсуждали, кто что видел, слышал, что сделали, кого посетили. Для меня эта информация была как «вести с полей». Я-то была на «сидячей» работе. Повторюсь — по правилам миссии милосердия мы не могли расспрашивать, тем не менее, слышали, как бесчинствовали «белые» на протяжении восьми лет, пока Мариуполь оставался «украинским». Неудобного человека могли просто забить до смерти прямо на улице, среди бела дня, только за то, что тот «не так поглядел».

Вот ещё одна история. Ребята привезли гуманитарную помощь старикам в многоквартирный дом. Узнав, что они из России, из Татарстана, просто говорили и говорили. Держа за руку, боясь, что казанцы встанут и уйдут. Супругам необходимо было выговориться. Во время боевых действий выйти из дома было невозможно. Азовцы ходили по двору и стреляли по окнам, как в тире, если где шелохнётся занавеска.

Закончились запасы еды, а главное, воды. Сил не осталось совсем. Либо здесь умирать, либо уходить. В конце концов, выбрались и просто побрели, куда глаза глядят. Повсюду лежали трупы: взрослые, дети... Дед настолько ослаб, что рухнул на землю. А бабушка смогла доползти до «чечена» и взмолилась: увези нас, сынок, с дедом на кладбище, чтобы не здесь помирать! Тот вывел стариков к своим, их напоили чаем. Попросту спасли... Глотать-то было сложно — после стольких дней голодовки рефлекс пропал!

К чеченцам у местных особое отношение, ахматовцев тут очень уважают. Впрочем, приходилось сталкиваться и с другой позицией. С соседом по лестничной площадке мы столкнулись всего пару раз, но одного его взгляда было достаточно, чтобы понять: «Мы вас сюда не звали!» Мы с ним и не заговаривали, хотя трудно было понять, как восемь лет они жили не тужили, старались не слышать, как из предместий Мариуполя обстреливают дальнобойными орудиями Донецк; как старались не видеть, что в городе закрывают детсады и школы, чтобы здания приспособить под казармы и штабы военных, иностранцев, нациков...

Не могу не рассказать о нашей Танечке. Начиная с февраля, она в пятый раз приехала по линии «Милосердие» из Воронежа. Ей за шестьдесят. По образу жизни — «активистка, комсомолка, спортсменка». Дети взрослые, и она имеет возможность «хотеть» быть полезной своим соотечественникам, людям нашей в прошлом большой страны. У Татьяны была своя задача: организация бесперебойной работы душевых и прачечной. Прямо на месте она решала, кому дать белье или какие вещи со склада, ибо на деле видела — у кого в чем нужда. Да и нам, новичкам, помогала освоиться.

В последний день удалось с «девочками» поехать по адресу, куда нужно было доставить вещи для лежачего больного и для детей. Дом пах свежей краской, подъезды отремонтированы, лестничные пролёты сверкают новой отделкой. Кстати, новостройки Мариуполя вызывают восхищение! Местные жители признавались, что раньше в глаза не видели таких отделочных материалов. В самом деле, за тридцать три года «незалежности» украинская власть на Донбассе вообще ничего не строила, не вкладывалась в инфраструктуру. Город словно застрял в прошлом веке, когда ещё назывался Ждановым. Легко узнаются сцены из культовой советской картины «Весна на Заречной улице» или перестроечной «Маленькой Веры» (оба фильма сняты именно там, но с разницей в тридцать лет).

Что касается Мариуполя: город стремительно восстанавливается. Нужны учителя, врачи и просто люди. Вернуться ли туда те, кто его покинул? Время покажет.

Большим праздником для нас стал Чистый четверг, когда координаторы решили отпустить нас в храм — исповедаться и причаститься. Не просто так это было сделано. Нам необходимо было укрепиться духом, не возгордиться, не навредить своей душе осуждением... Прихожан было немного, и мы потянулись за ними к уже знакомому батюшке. На исповеди меня поразил вопрос, который священник задавал каждому: «Всех ли простила?»

Казалось бы, простой вопрос. Но какой мудрый и глубокий смысл кроется за этой простотой. Уже на следующий день, в Страстную пятницу, мне пришлось вступить в конфликт с той самой бабушкой «одесских внуков», которая пришла узнать, готовы ли её анализы. Надо сказать, дама была из редкой в нашей палатке категории — непростая, привыкшая к обеспеченному быту и особому отношению. Конечно, я побежала к врачам, чтобы навести справки. И тут узнала, что доктору только что позвонили из дома. И сказали, что у неё

умер отец. Врач — женщина — попросила дать ей полчаса времени, чтобы решить по телефону организационные вопросы, связанные с захоронением. А народу много собралось. Всем надо успеть попасть на приём. Наша дама ждать не хотела. Пришлось довольно резко её осадить. На другой день она пришла с пасхальным куличом! Кстати, куличи у них все называют «пасха». А творожной пасхи у них вообще нет. Это забавные частные мелочи, но почему-то сейчас приятно о них вспоминать. Подарков от посетителей мы принимать не могли. Поэтому отдали кулич женщине, которой с сыном-инвалидом не платили пенсию... Для них он стал не только символом праздника, но и просто хлебом насущным!

Вечером мы отправились на Пасхальное богослужение. И надо было такому случиться, что именно в наш храм на праздничную службу прибыл временно исполняющий обязанности главы Донецкой Народной Республики Денис Пушилин. Позже к нему присоединился Сергей Кириенко — заместитель руководителя администрации Президента РФ, который доставил в Мариуполь благодатный огонь из Храма Христа в Иерусалиме. Признаться, я его сразу не узнала. Но пришлось поверить, тем более, их сопровождала охрана, численность и экипировка которой говорили сами за себя. Особенно когда их командир повторил за батюшкой радостный возглас: «Христос воскресе!», наподобие строевой команды, и бойцы дружно, во всю мощь, гаркнули в ответ: «Воистину воскресе!»

А утром мы уезжали. Только тогда, достав телефон, я стала снимать город, который мы покидали. Нет ни одного живого дома, за редким исключением. Частный сектор буквально расстрелян. То и дело встречаются надписи на домах «Здесь живут люди». Пустые глазницы окон, развороченные крыши. И Азовсталь! Разбомблённый железный город. Выжженные железнодорожные вагоны на путях.

Разбитые, казалось бы, погубленные деревья всё равно стремятся к жизни: начинают цвести абрикосы, каштаны, магнолии. Как только пересекли границу Ростовской области и появилась связь, я послала в Казань, в чат Русского национально-культурного объединения короткое видео, которое сняла на свой смартфон там, в надувной палатке. Простая светлая женщина читала стихи. Она была такая позитивная, в её искренних безыскусных строках звучала такая радость жизни, такая вера в будущее, что я упростила её повторить стихотворение на камеру.

Дорога до Москвы показалась короче, в столицу мы прибыли ранним утром по-недельника, до казанского поезда оставалось несколько часов. Москва выглядела необычно. А может, это только мне показалось, ведь мы вернулись о т т у д а .

Огромный мирный город просыпался, и ничего в нём не напоминало о том, что где-то далеко идёт СВО... Правда, когда мы уже подходили к Храму Христа Спасителя, увидели Аллею Ангелов. Бесконечный, «бессмертный полк» фотографий детей, погибших на Донбассе. Это был для нас некий символический знак. Хотелось взглядываться в эти светлые детские лики ещё и ещё..

Прошло почти полгода. Хочу ли поехать туда снова? Да. Нигде так не «очиститься» от наносного, от ненужного. Оценить, как счастливо мы живём в Татарстане и как всё зыбко в этом мире. Счастье в том, чтобы жить на своей земле, в своём доме, в окружении близких.

